

РЕЙНА

Ее родители настолько не подходили друг другу, что их брак казался чем-то вроде временки, сооруженной на скорую руку. Мягкосердечная, сентиментальная мать, без малейшей практической жилки, выглядела совсем не парой отцу-невротичу голландских кровей. Худосочный росток на полусгнившей ветви семейного древа, он являл собой жалкое зрелище, хотя, возможно, в иные времена и в ином месте мог бы что-то собой представлять. Здесь же (я имею в виду маленький городок на американском северо-западе) он был слесарем, и по любым меркам довольно bestолковым. Он имел привычку подкручивать кончики усов и пару раз в год облачался во фрак. Считал, что умеет играть на скрипке. Любил рассказывать непристойные истории и искренне радовался, когда удавалось привести в смятение своих детей. Среди знакомых снискал репутацию труса, который держит в страхе собственную жену, но сразу тушует перед сильным полом. Будучи безалаберным по природе, он переложил бремя тягот реальной жизни на слабые плечи супруги, и она пыталась удержать семью на плаву, сдавая внаем меблированные комнаты.

Первое впечатление от человека в значительной мере предопределяет наше к нему отношение. Поначалу Рейна показалась мне глуповатой, но что-то все же мешало записать ее в полные дурочки. Маленькая лавандовая шляпка на льняных, коротко остриженных волосах (крашенных, разумеется) и лавандовый же шарфик в пару к ней свидетельствовали об отменном чувстве стиля, так же как и светлосерый костюм с юбкой всего на пару дюймов ниже колен.

Она любила стоять по-мальчишески, широко расставив ноги и чуть запрокинув голову, блестя глазами, полными неподдельного интереса к жизни. Этого, по крайней мере, у нее не отнимешь — была она в высшей степени живой. Ну и невозможно было забыть ее бесконечные истории, безусловно вульгарные, но уморительные до крайности, так что оставалось только удивляться, как ей удавалось рассказывать их с абсолютно непроницаемым выражением лица. Могло показаться, что эти байки свидетельствуют о ее невзыскательном вкусе и порой даже о каком-то самоуничтожении, однако в них не было ни малейшего следа пошлости, а скорее грубоватое, но здоровое чувство юмора простого человека. Можно сказать, она была неосознанно, а временами даже чарующе вульгарна, и тут нет никакого противоречия.

Рода, ее старшая сводная сестра, была бесспорной красавицей, образованной и утонченной. Несмотря на эффектную кинематографическую внешность, она оставалась милой и смогла сохранить очарование неподдельной простоты и естественности. В ней так и не появилось жесткости и напористого самодовольства, ее чувствительная натура нуждалась в умиротворяющей прочности родственных уз. Не следует забывать, что с тех пор, как Рода вышла замуж и покинула родной город, прошло почти пять лет. К этому времени и Рейна успела вступить в брак.

Не один месяц до нашего знакомства мне пришлось выслушивать, какая она замечательная, чтобы не сказать необыкновенная, девушка — юная, яркая, красивая, — какая она прекрасная наездница, как кипит в ней жизнь! Я прилежно внимал рассказам о ее любящем сердце и глубоких сестринских чувствах и терпеливо разбирался в перипетиях ее брака с молодым торговцем лесом.

Поначалу молодожены поселились в маленьком домике в одном из лесозаготовительных округов Вашингтона. Но Рейне, привыкшей к городским удовольствиям Спокана и Сиэтла, скоро прискучила глушь, и она сбежала, добравшись в служебном вагончике до железнодорожной станции в сорока милях от лесопилки.

Супруг, который, по-видимому, жить без нее не мог, разорвал все связи с местным лесозаготовительным бизнесом, приносящим ему четыре тысячи в год, и отправился за ней. За три года замужества она уходила от него еще дважды, каждый раз из-за недовольства способом заработка, какой он имел несчастье выбрать. Оба раза он немедленно оставлял работу и следовал за ней, в надежде вернуть обратно. Вероятно, по своей душевной организации он был склонен попадать в зависимость от женщин такого сорта. Узнав ее лучше и уже прекрасно сознавая, какой пустышкой в некотором отношении она была и какой чумой египетской во всех отношениях могла становиться для определенного типа мужчин, я все же мог понять его непреодолимое влечение к ней. Она была здорова, энергична, насмешлива, молода, в конце концов, и, вполне возможно, являлась для него олицетворением самих этих качеств как таковых. Но если дела не клеились, поддержки или утешения от нее было не дожидаться, а вот критики и истерик — сколько угодно.

Я познакомился со Свенном, когда ему стукнуло двадцать пять. Это был молодой человек приятной наружности, амбициозный и в то же время деликатный и внимательный, хотя и без того лоска, который придает хорошее образование. Его отец, простой шведский крестьянин, не усматривал никакой пользы для своих детей даже в школьной грамоте; напротив, как мне рассказывали, считал школу баловством и пустой тратой времени. Свен, хотя и сбежал с фермы в пятнадцать, так и не избавился от грубого просторечия, к коему привык с малолетства. Его речь была густо пересыпана вульгаризмами, столь любимыми нашими грамматистами. Он, к примеру, мог сказать «лб́жить» вместо «класть», «хочут» вместо «хотят», «кушать» вместо «есть» и тому подобное. Узнав, что его английский далек от совершенства, Свен стал больше молчать или подражал тем, в чьей грамотности был уверен, что было совсем не похоже на то, как повела бы себя в таких случаях Рейна. В своей области он был крепким профессионалом, прекрасно

разбирался в лесе и на рынке древесины чувствовал себя как рыба в воде. Насколько мне известно, он был также умелым механиком, посвященным во все тайны автомобильных моторов, и при нужде вполне бы мог управлять гаражом. К тому же он принадлежал к тому типу юношей, которые многим готовы пожертвовать ради мира в семье.

Если у Свена с грамматикой было неважно, то у Рейны дела с ней обстояли совсем плохо. Ее речь заставила бы покраснеть шеридановскую миссис Малапроп. «Слышь, что вчера было-то. Отвал башки! Жаль, что тебя с нами не было. Я уж решила было, ну все, хана мне, ребята. Ты щас со стула свалишься. Идем, значит, мы со Свеном по Седьмой авеню, и с кем, думаешь, сталкиваемся нос к носу? С Монти! Вот те крест! Со стариной Монти собственной персоной. Обалдеть! Весь такой из себя шикарный, в моднячем пальто, фу-ты ну-ты, ложки гнуты! Видать, деньжат откуда-то привалило. И вот наш Монти, простой такой, начинает клеиться ко мне как ни в чем не бывало. Вообще не втыкает, что я замужем. Парнишку жизнь ничему не учит: хватя меня своей лапой, глазом не моргнув: „А куда это ты намылилась? А что это за чувак с тобой?“ Свен вылупил на нас, будто сожрать собрался. Ну, я по-быстрому давай их знакомить. Во картина маслом, ага? Я-то Свену по ушам ездила, что передо мной все на цырлах ходят. И на тебе — такая засада. Но я выкрутилась!

„Ты чего, с дуба рухнул? — говорю. — Вишь, вспомнил детство золотое. По мордасам схлопотать захотел? Вот мой супружник, Свен, знакомься“. Он что-то просек наконец: сразу заезжил как уж на сковородке. Ну и Свен оттял слезгонца, когда я ему лапшу стала вешать, что у папаши Монти денег куры не клюют и Монти ищет, куда бы их пристроить. Так они и начали что-то перетирать меж собой. Упасть — не встать! Причем Свен ведь ревнивый как черт. Ну и представь, как я у него за спиной Монти двумя глазами мигаю: „Обалдел? Чего творишь, паскуда?“ Будь уверен, он у меня понял, что лучше лишний раз vareжку не разевать.

Лос-Анджелес — это тебе не Спокан. Поначалу-то я со страху чуть не обделалась. Уж мне ль не знать, как у Свена крышу сносит от злости. Отвал башки! Но он поверил, что мы с Монти еще со школы приятели, так что пронесло, слава тебе господи».

Вот такие истории мне приходилось выслушивать месяц за месяцем, и попытки исправить ее речь успеха не имели. Языковые нормы не впечатывались в ее мозг ни с помощью правил, ни с помощью примеров, ни с помощью навязчивых повторений. Она была способна слушать беседу на совершеннейшем английском языке семнадцати виртуозов ораторского искусства и бесцеремонно влезть в нее с репликами типа: «А мы тут со Свеном парнишку одного видали, обалдеть...» или: «А я так со Свеном порешила...».

Рода, обладая незаурядной красотой, вышла замуж за выходца с Востока из северной части штата Нью-Йорк с довольно серьезным положением в обществе и неплохим образованием, но, оставив его в итоге, она выбрала, однако, куда более интересный жизненный путь. Но ее не переставала мучить совесть, что она бросила младшую сестру на произвол судьбы и та осталась неотесанной простушкой. Светскостью Рейна действительно не отличалась, с этим не поспоришь, но, бог мой, каким искрящимся, пылким, неистовым нравом она была наделена! Было несложно понять, почему мужчина, если он не борец за чистоту речи, может всерьез увлечься ею. У нее были дерзость и любознательность щенка колли или молодого вороненка. Ей до смерти хотелось роскоши и удовольствий, которые были доступны другим, но которые она сама едва пригубила. Вид маленькой старомодной квартирки сестры в Голливуде, с балкончиками, высокими французскими окнами, персидской кошкой и взбалмошной чау-чау, подействовал на нее, как стакан рома на запойного пьяницу. «Отвал башки!» — тут же вынесла она свой вердикт. И как из ведра посыпалось: «класс», «шик», «супер», «не кот начихал» — или даже «не кот нассал» (у меня язык не поворачивается повторить и десятую часть этих колоритных выражений).

Репродукция «Горшка с базиликом»¹, украшавшая одну из стен, была «шикарной», хотя и подверглась критическому разбору:

— Ух ты! Да у нее ноги от ушей растут, класс. А платья такие сейчас никто не носит. Она, наверное, живет в дыре, где они еще в моде.

Обнаженная женская фигура на стенке аквариума тоже вызвала замечания:

— Вот это аквариум! Отвал башки! Видал такой когда-нибудь? А вот фигура у нее так себе. В Пантагесе актрисульки куда симпатнее.

— Дело в том, Рейна, — пояснил я, — что у художника не было достойной модели. Ему следовало бы поискать девушку, изящную, как ты.

— Ну и пришел бы ко мне. Я бы познакомила его с такими красотками, что он забыл бы родную маму.

То, что Роду раздражает наша с Рейной легкомысленная болтовня, даже если временами она кажется ей забавной, было ясно с самого начала. Она так много рассказывала мне о своей потрясающей сестре, которую не видела столько лет, а оказалось, что Рейна мало чем, а может быть, даже и ничем вообще не похожа на созданный Родой портрет. Скорее всего, образ, который услужливо подсовывала память, сформировался у нее в юные годы, когда ей и сравнивать Рейну было не с кем, тогда как теперь, набравшись жизненного опыта, она отточила способность суждения и стала, в общем-то, другим человеком. В результате Рода пришла в полное замешательство, не зная, как относиться к сестре, критиковать которую все еще не позволяли родственные узы и светлые воспоминания. К тому же ее не на шутку беспокоило, что я могу составить неверное представление о ней и ее семье, как оно отчасти и случилось.

Но с самого начала меня куда больше занимала загадка Свена. Как такой рассудительный и трудолюбивый человек

¹ По-видимому, имеется в виду работа британского художника Уильяма Ханга «Изабелла и горшок с базиликом» (1856).

мог не только увлечься девушкой типа Рейны, но даже жениться и следовать за ней по пятам, словно привязанный? Во всех передрыгах он сохранял спокойствие, был полон решимости поладить с женой и обеспечить всем, чего бы она ни пожелала, несмотря на всю ее взбалмошность и капризы. И это не переставало меня удивлять.

До брака и некоторое время после Рейна водила дружбу с девушкой по имени Берта, которая была для нее чем-то вроде талона на питание и камеристки в одном флаконе. Дополнительную ценность ей придавали яркая внешность и популярность среди мужчин — женские качества, которые для Рейны всегда стояли на первом месте. Не стоит сбрасывать со счетов и то, что Берта была дочерью зажиточного владельца прачечной, у которого та всегда могла стрелкнуть деньжат. Она щедро делилась ими с Рейной, и этих денег, вместе с небольшими суммами, которые подкидывала Рейне мать, девушкам хватало на нехитрые развлечения. Так как их родной городок был маленьким и невзрачным, а до Спокана, Сиэтла и Такомы было рукой подать, подружки проводили дни, курсируя между этими населенными пунктами. Не сомневаюсь, что зачинщицей всех авантур являлась Рейна, которой было не занимать дерзости и отваги. Но почему все это позволяли их родители, было выше моего понимания. Я попытался выспросить об этом Рейну (как ее будущий историограф — ну, вы понимаете), и в конце концов она призналась, что, когда они оставались на ночь в Спокане, или Сиэтле, или Такоме, ее мать думала, что она ночует у Берты, ну а Берта для своих родителей просто выворачивала эту выдумку наизнанку.

Почти полтора года, включая и время перед свадьбой со Свенном, Рейна и Берта были практически неразлучны. Они вместе развлекались с кавалерами, хоть Рейна и уверяла, что лично она не преступала рамок приличия, ограничиваясь увеселительными автомобильными поездками, походами в рестораны, грошовыми подарками и другими грошовыми удовольствиями. За Берту она, однако, ручаться

не стала. Часто обе они попадали в такие рискованные ситуации, выпутаться из которых стоило немалого труда. «Опасные похождения Полины»¹ в сравнении с их выходками показались бы невиннее детской возни в песочнице. Как я понял, особенно рискованными эти приключения делала склонность девиц усаживаться в машины к незнакомым юнцам и ехать с ними в уединенные, чтобы не сказать заброшенные места, где, разумеется, они получали предложения, которые Рейна (если относиться с доверием к ее словам) не имела желания принимать. Так, однажды ночью, направляясь в такси из Такомы в Сиэтл, а это около тридцати миль, на пустынном отрезке дороги они были атакованы водителем и его другом, подсевшим к ним по пути. Уловка, с помощью которой им удалось сбежать, не для печати, но само происшествие, связанное с нешуточным риском, представляет определенный интерес. Правдами и неправдами выбравшись из машины, они рванули с дороги в темную лесную чащу, побежали на свет из окна одинокого коттеджа в глубине леса и спрятались неподалеку. Шофер с другом, рыская по лесу в их поисках, прошли в футе от того места, где они схоронились, и едва о них не споткнулись. Девушки прятались у коттеджа всю ночь и только утром осмелились продолжить путь в Сиэтл.

Именно из-за щедрости Берты и ее неподдельного восхищения, а также из-за развлечений и безделушек, перепавших Рейне в их эскападах, у нее в голове сложилось представление о жизни как о немудрящей игре, в которой всегда найдется кто-то, кто позаботится о ее благополучии. Ее интерес к Свену, когда он только появился на горизонте, частично базировался на этой философии. Но она так увлеклась им, что он смог сначала вклиниться в их с Бертой дружбу, а потом и вовсе разрушить ее. Тем не менее даже спустя три года, уже во времена нашего с ней знаком-

¹ «Опасные похождения Полины» — многосерийный приключенческий фильм, в 1914 г. снятый американским кинорежиссером Доналдом Маккензи.

ства, каждый раз, когда что-то приходилось ей не по нутру, она поминала Берту и старые добрые деньки их закадычной дружбы. Я думаю, именно Берту Свен не любил и страшился больше всего на свете.

Как типичная представительница адептов так называемой «сладкой жизни», Рейна представляла для меня немалый интерес. За ней стоило понаблюдать, когда она лениво обдумывала какую-нибудь будущую эскападу. Предоставленная самой себе, она могла часами валяться в необъятном плюшевом кресле или сидеть перед трельяжем сестры, полируя ногти, укладывая волосы в замысловатые прически, подкрашивая губы, румяня щеки, накладывая тени на веки или выщипывая брови. А то вдруг начинала примерять шляпки и платья Роды, вертясь перед высоким напольным зеркалом и время от времени подзывая меня или кого-нибудь еще для оценки очередного наряда. «Шикарно, да?» или «Классно, правда?».

Она могла проваляться в постели все утро, не обращая внимания на то, что делают остальные, и появиться в гостиной лишь после обеда или даже ближе к вечеру, готовая к развлечениям, которые должны были организовать Рода, или Свен, или ваш покорный слуга. Изредка, когда не получалось отвертеться, она принималась помогать Роде в приготовлении ужина, но была при этом настолько неловкой, что больше мешала, словно для того, чтобы предупредить дальнейшие просьбы.

Однако, как правило, у Роды не подавали ужинов, предпочитая проводить вечера в ресторанах. По правде говоря, Рейна любила рестораны гораздо сильнее, чем Рода. И именно Рейна, не имея за душой ни гроша, предлагала поужинать в ресторане. «Что скажете об этом местечке? Бывают ли там танцы? Говорят, отличный, просто шикарный ресторан». Что ж, ориентируясь на эти намеки, я и выбирал заведение.

По окончании ужина, несмотря на то что в то время они со Свенем находились в крайне стесненных обстоятельствах, переехав в этот город исключительно потому,

что Рейна умудрилась разрушить карьеру Свена во всех других местах, она запросто могла предложить отправиться в театр, или в бассейн, или на концерт. То, что для этого были нужны деньги, которых у них нет, по-видимому, ничуть ее не беспокоило. Кто-нибудь да заплатит. И вообще, для чего нужны мужчины, если не для того, чтобы платить. Раз уж они смогли заполучить такую девушку, как она, так ведь? «Стопудово!»

Следуя своим принципам, она изо всех сил стремилась распотрошить мой кошелек. Надо отдать ей должное, меня она немало развлекала, хотя и ставила при этом Свена, который предпочитал вовсе не принимать приглашение, если не мог платить на равных, в весьма неловкое положение. Но все эти его душевные терзания вообще не принимались Рейной в расчет. Она жаждала развлечений, и до тех пор, пока они исправно поступали, она закрывала глаза на их источник.

Пока все это была, так сказать, прелюда, знакомство с нашими героями. Сама история, свидетелем которой я стал, началась, когда молодая пара поселилась в Лос-Анджелесе. Очаровательная голливудская квартирка Роды стала для Рейны источником раздражения и зависти. Ей не нравилось ничего, что мог предложить ей Свен, а предложить в то время он мог очень немногое. Рейна сделалась постоянной гостьей в доме Роды, не особенно заморачиваясь по поводу приглашений с ее стороны. Ибо разве не была Рода ее сестрой? А для чего еще нужны сестры, скажите на милость? К ее счастью, Рода относилась к тому типу людей, для которых кровное родство было отнюдь не пустым звуком, и ей в голову не приходило, что Рейна нуждается в каком-то приглашении. Когда бы Рейна ни явилась в гости, ее встречали с распростертыми объятиями, и, по моему мнению, это было большой ошибкой. Потому что нельзя было сбрасывать со счетов чувства Свена. Как ни крути, а Рейна определенно кое-что ему задолжала. Однако о Свене она думала меньше всего. Не считаясь с его желаниями, собственными брачными обязательствами и несмотря на

очевидное отсутствие той совершенной красоты, которая делала ее сестру столь востребованной на многочисленных съемочных площадках, именно она, а не Рода решила, что просто создана для работы в кино. Сестра с энтузиазмом ее поддержала. Ну а почему бы и нет? Разве она не нравится мужчинам? Или она глупее остальных? На съемках Рода зарабатывала две или три сотни в неделю, а иногда и больше. Почему бы ей, Рейне, тоже не припасть к этому жителю золотому источнику? Между ней и ее мечтой стояли только, во-первых, Свен, вернее, ее супружеские и домашние обязанности, которые она и так никогда не выполняла, и, во-вторых, мелкие трудности, с которыми когда-то пришлось столкнуться и Роде. А значит, как и Роде, ей придется начать с самого низа, скорее всего, в дополнительном составе, а это семь с половиной в день, а не сорок и пятьдесят, как теперь получает Рода. Необходимо будет вставать спозаранку, в шесть или в семь, и быть в студии не позже чем в восемь тридцать, полностью готовой к выходу. Ну и самой обеспечивать себя одеждой и косметикой, не забывая демонстрировать горячий интерес к любой самой заваливающей роли.

Все эти соображения подействовали на Рейну как ушат холодной воды. Увы, она была из тех людей, что не способны ни на какие конструктивные усилия, паразиткой по самой своей натуре, а от этого недуга, похоже, не существует лекарства. Ее разум не был созидательным ни в малейшей степени, словно бы в ней вовсе отсутствовала потребность в творчестве, в создании чего-то на благо себе или окружающим. В ее мире вещи не были произведены на свет с помощью сознательных усилий, они просто случались. И самой важной вещью была удача, удача и множество подарков, которые приходили вместе с ней. У Рейны в голове не укладывалось, что кто-то может по собственной воле пытаться достигнуть чего-то путем скучного, утомительного труда. Кто поверит в такую чепуху? Все это лишь трескучие фразы! Жизнь должна состоять из солнечного света, лазурного моря, пляжных ажурных тентов, мороженого,

ужинов на веранде, автомобильных прогулок, нарядов по последней моде, танцев до рассвета и жизнерадостных друзей. Все, что не похоже на вечный праздник, не что иное, как грязный трюк либо со стороны природы, либо со стороны мужчины, что бывает гораздо чаще. Мужчина, который удостоился брака, должен предоставить все вышеперечисленные пустяки незамедлительно, в противном случае он бесполезен и глуп как пробка. Состоятельным родственникам тоже пристало делиться благами, иначе в чем вообще смысл родства? Богатенькие счастливичики должны в лепешку расшибиться, чтобы доставить радость своим родным и близким, особенно тем, кому не так повезло. В этом и заключалась философия Рейны; она выражала ее открыто, и слова у нее не расходились с делом. Хотя надо признать, когда все шло, как ей того хотелось, она могла вести себя обворожительно.

Но, несмотря на эти особенности характера, стоило Рейне выразить желание проявить себя на поприще, на котором подвизалась сестра, та немедленно предложила организовать встречи со всеми знакомыми режиссерами и ассистентами. Хотя и предупредила, что карьера в киноиндустрии отнимает много времени и, если не приложить специальных усилий, может разрушить ее брак. Ну, что касается Свена, Рейна никогда не считала его препятствием ни для чего, так что совет сестры она пропустила мимо ушей. Рода также пыталась внушить ей, что знакомства с серьезными людьми в кинобизнесе — это золотой ключик для того, кто хочет сделать карьеру в кино, и Рейне стоит выложиться по полной. Тем не менее, за исключением одного или двух утренних посещений студии вместе с Родой, когда Рейне не пришлось просыпаться для этого ни свет ни заря, увещевания сестры были ею проигнорированы. Такие до ужаса ранние подъемы были выше ее сил. Кроме того, хотя она была предупреждена, что ей придется сталкиваться с пренебрежением, обидной критикой, а возможно, и откровенной грубостью и попытками грязных манипуляций со стороны тех, кто хоть каким-то боком причастен к большой киноиндуст-

рии, начиная с шестого помощника швейцара, до Рейны, похоже, это так и не дошло. Ей на пальцах объяснили, к примеру, что если кто-нибудь из режиссеров или актеров, да кто угодно из кинотусовки, решит строить ей куры, то наобещает с три короба, чтобы снискать ее расположение, но не стоит обращать на это ни малейшего внимания. Можно попробовать отделаться шутками от назойливых ухаживаний, но если не получится и это станет совсем уже невыносимым, что ж... придется делать ноги. Понадобилось несколько эпизодов, довольно рискованных для Рейны, чтобы она наконец полностью излечилась от иллюзий.

— Что? Чтобы я бегала за кем-то из этих уродов? Вот еще! Целый день просидишь в приемной, прежде чем хоть кого-то увидишь. Ну уж нет, со мной этот фокус не пройдет. Я сразу объяснила им, кто я такая и от кого пришла, и что ты думаешь, помогло мне это? Черта с два! Этот маленький мерзавец у ворот «Метро Студио» выпучил на меня глазенки и не сподобился даже записать мое имя. Заявил, что мистер N занят. И тот зазнайка в Ласки повел себя тем же макаром. В жизни не сталкивалась с подобной наглостью!

Она еще долго живописала, что бы сделала с любым из них, пожелай они на самом деле с ней развлечься. Эти недомерки думают, что им что-то обломится из-за их жалких связей в студии? Как же, держи карман шире! Ну, если человек ведет себя как нормальный парень, относится к девушке с уважением, пытается умаслить ее, пригласив поужинать или покататься на автомобиле, да к тому же клево выглядит, тогда, конечно, другое дело. Иногда такие парни могут оказаться очень даже ничего...

Слушая Рейну, я помирал со смеху и нарочно подначивал ее, вызывая настоящий фейерверк чувств и эмоций: ярость дикой кошки, вулканические выбросы страсти, фантазии, выходящие за все разумные границы, и за всем этим чувствовалась неумная, какая-то варварская жажда жизни.

От одного своего решения она все-таки не отступила, разумеется от самого безрассудного. Свену было объявлено, что он должен снять квартиру в Голливуде. И не имело

значения, что аренда за крохотную меблированную квартиру варьировала здесь от семидесяти пяти, за фактически конуру, до двух, а то и трех сотен за что-то более приличное. Свен, который, полагаю, немало натерпелся от ее капризов в прошлом, как раз собирался снять небольшую квартиру в центре города, где квартплата была не в пример меньше и можно было пристойно жить даже на его зарплату в сорок долларов в неделю. Он подыскивал другую работу, получше, но пока служил ночным сторожем в гараже.

Я присутствовал при том, как он предупреждал жену через сутки после их прибытия:

— Не забывай, Рейна, у нас сейчас не так уж много денег, и мы должны быть осмотрительными. Нам не сдадут квартиру в Голливуде за спасибо.

Само собой, место, где они поселились, было совершенно не в ее вкусе. Ну что за унылое убожество? Неужели Свен не мог найти что-нибудь попримечнее? Мужчина он, в конце концов, или нет? Зачем он вообще женился?

Она лишь краем глаза успела увидеть Голливуд и сразу поняла, что должна здесь остаться, а он обязан ей это обеспечить — любым путем. В противном случае пусть не рассчитывает на сладкие улыбки.

Пытаясь заработать, Свен бился как рыба об лед, Рейна же пальцем о палец не ударила, чтобы облегчить финансовые тяготы семьи. Не зная, на ком выместить досаду, она уныло слонялась по голливудской квартире сестры, пока та пропадала в студии. Ночами, когда Рейна спала, Свен мыл и ремонтировал машины и следил за гаражом, который был открыт круглые сутки. А это значит, что на сон у него оставались лишь дневные часы.

Можно было ожидать, что Рейна станет с большим сочувствием и теплотой относиться к самоотверженно работавшему мужу. Однако такое трудолюбие не вызывало у нее ничего, кроме раздражения, поскольку она приписывала его тупости и упрямству.

Ну почему он не сподобился устроиться на дневную работу? Какой прок от мужа, пропадающего на службе по ночам, когда все вокруг трудятся днем? Ему вообще незачем было устраиваться в гараж, ведь он умеет делать множество других вещей. А если не умеет, то должен научиться.

Тщетно усердный и миролюбивый Свен пытался объяснить, что из-за неотложной нужды в деньгах ему пришлось ухватиться за первую попавшуюся возможность. Она наотрез отказывалась это понимать.

Время не ждет, по крайней мере, Рейне ждать не хотелось. Свен должен поторопиться и обеспечить ей наконец достойную жизнь. Она и так изнывала от зависти к обеспеченной сестре. А тут еще вся голливудская ночная жизнь проходит мимо, потому что Свен должен тащиться на работу. Утром же, когда так сладко спится, он вваливается в квартиру, и весь сон с нее как рукой снимает. Тот факт, что он в силу своей деликатности возвращался домой уже после завтрака, вообще не принимался во внимание. Он сам выбрал ночную смену, причем за сущие гроши, вместо того чтобы, как все вокруг, работать днем. Пора найти место, где можно заработать больше. Вот и весь разговор.

Как-то, в самом начале их жизни в Лос-Анджелесе, беседа с Родой, он упомянул, что именно из-за Рейны ему пришлось согласиться работать за такую скудную плату. Она просто ни в какую не хотела жить там, где он мог получать приличные деньги. Ей и в голову не приходило потерпеть, пока он приобретет достаточную квалификацию и заведет собственное дело, на что он возлагал большие надежды.

В результате Рода, сочувствуя Рейне — ведь та была так молода и так хотела радоваться жизни, но никогда не имела для этого достаточно средств — и в то же время переживая за Свена, всей душой стремилась наладить их семейную жизнь и просто завалила полезными советами. Рейна должна быть более внимательной к Свену. Свен, в свою очередь, должен попытаться найти дневную работу: неправильно

оставлять жену одну на всю ночь. Чтобы облегчить им жизнь, она даже презентовала Рейне сотню долларов на булавки, а Свену предложила в долг сумму, которая бы позволила им продержаться, пока он не найдет хорошего места, желательно в сфере торговли лесом, где он был большим специалистом. Она также уговорила его снять квартиру по-лучше, пообещав компенсировать разницу. А если он разыщет стоящую компанию, в которую можно вложить деньги, она с радостью войдет в долю. Ну и, встав на ноги, он должен обязательно приобрести автомобиль, чтобы они смогли увидеть мир, который внезапно стал их домом.

Свен, преисполненный искренней благодарности, из кожи вон лез, пытаясь как следует использовать неожиданную удачу. Дневные часы, предназначенные для сна, он стал тратить на поиск и изучение всех рекламных предложений в своей области. В конце концов он смекнул, как проверить весьма хитроумное дельце с немалой выгодой для себя. За инвестированную сумму в тысячу долларов наличными и успешную продажу некоторого количества акций, а также покупку в рассрочку каких-то акций для себя Свен мог претендовать на правовой титул и вступить в должность секретаря лесозаготовительной компании. В случае успеха он получал дубовый письменный стол и табличку с собственным именем на двери кабинета, а также зарплату в шестьдесят пять долларов и мог приступить к своим обязанностям без промедления. Получив одобрение Роды, Свен с энтузиазмом взялся за работу, сосредоточившись на выполнении своей части контракта. Надо сказать, он был просто создан для дел такого сорта, так что сразу проявил в них изрядную сноровку. Он тут же начал планировать строительство серии небольших жилых домов, чтобы продать их по три тысячи, что принесло бы ему и его компании почти тысячу прибыли. Свен не сомневался, что реализация этого плана сулит ему с Родой солидный барыш. Она никогда не пожалеет, что помогла ему. И я уверен, что тогда Свен в этом ничуть не сомневался.

Жаль, что вы не видели Рейну, когда планы Свена из стадии обдумывания перешли в стадию осуществления или